

считать Дмитрия Сеченова. Но этот умный изворотливый архиепископ, рассыпавшийся в похвалах Елизавете при ее жизни, после 25 декабря упоминал ее имя лишь мимоходом, насколько того требовало приличие (а иногда и вовсе не упоминал), зато был неистощим в приписании добродетелей Петру III. И странно было бы, если бы он вел себя иначе. Известно, что Петр III терпеть не мог своей тетки, вел себя беспардонно во время траура, поступал вопреки политике Елизаветы. В этих условиях добрые слова в память умершей могли вызвать недовольство монарха. Ссориться с ним Дмитрий Сеченов не хотел и только позднее, почувствовав назревание заговора, как истинная лисица, стал сближаться со сторонниками Екатерины.

Если учесть все эти обстоятельства, более убедительной кажется точка зрения Г. П. Макогоненко. Он датировал басню 1763 г. и высказал предположение, что она написана после вступления на престол Екатерины II и «показывает отношение Фонвизина к тому шуму, который был поднят вокруг „добродетелей“ Екатерины II и ее „просвещенного режима“». ¹³ В двухтомном собрании сочинений Фонвизина басня датируется более неопределенно — 1762—1763 гг., но толкование остается прежним: «Смена монархов, приход к власти Екатерины II в результате дворцового переворота помогали Фонвизину понять пороки самодержавного правления вообще, увидеть и возненавидеть фаворитизм, произвол, „тирански страсти“». ¹⁴

Звучит сильно. Но, как показывает Г. П. Макогоненко далее, юный писатель верил вначале в добрые намерения Екатерины и по мере сил старался своими трудами помочь начинаниям новой монархини. И на самом деле: на каком основании можно было говорить о «тиранских страстях» только что вступившей на престол государыни? Ее истинное лицо раскрылось позднее, а на первых порах она обманула не только вчерашнего студента, но и более зрелые и опытные головы как в России, так и в Европе.

Итак, ни свидетельства Фонвизина и его современников, ни историческая обстановка начала 60-х годов, ни духовный путь писателя — ничто не подтверждает общепринятой даты. Проследив их, мы неизбежно приходим к выводу, что басня написана после «Послания к творцу „Послания“» Хвостова, т. е. между 1782 и 1787 г. Уточнить датировку в пределах этих лет труднее. Думается, что это не 1782 год, когда писатель был занят постановкой «Недоросля» и «Рассуждением о непременных государственных законах». Далее: 1783 год — период полемики в «Собеседнике»; с июня 1784 г. Фонвизин был год в Италии; по воз-

¹³ Г. П. Макогоненко. Д. И. Фонвизин. Изд. «Искусство», М.—Л., 1950, стр. 33—35.

¹⁴ Д. И. Фонвизин, Собр. соч. в двух томах, т. I, М.—Л., 1959, стр. X—XI.